

Музы не умирают

Всякий раз, когда едешь от Ленинграда по Киевскому шоссе, миновав мост через речку Суйду, ждешь: вот сейчас справа от дороги появится полосатый верстовой столб с надписью: «От Санкт-Петербурга – 69, от Пскова – 239». За ним – домик станционного смотрителя, один из двадцати трех пушкинских музеев нашей Родины и в то же время единственный в стране музей литературного героя, посвященный пушкинскому Самсону Вырину и дорожному быту России пушкинской эпохи.

За пятнадцать лет со дня его основания этот домик посетили десятки тысяч людей. А основан музей был по инициативе местных жителей на средства колхоза имени В.И. Ленина и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Выра – старинное селение: оно упоминается в новгородских писцовых книгах с XV века. Поэтично его название: вырай (вырей) – так тверичи и псковичи звали колдунов и ворожей. И еще вырей – это сказочный край, волшебное тридевятое царство. Название словно пугает и манит дорогой. Вспомните у Гоголя: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога».

В повести «Станционный смотритель», несомненно, авторским признанием звучат строки: «...в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям... несколько поколений ямщиков мне знакомы, редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени».

В полном объеме этому обещанию не суждено было осуществиться. Но все творчество Пушкина пронизано дорожными его впечатлениями. Всю жизнь он поистине торил творческий путь. Молдавия, Кавказ, Крым, Украина, Псковщина, Тверской край,

А. С. Пушкин.
Автопортрет. 1830 г.

Поволжье, Приуралье – это в равной степени страницы и его биографии, и его произведений.

«Характеристическая черта гения Пушкина – разнообразие, – замечал его «первый друг, друг бесценный» И.И. Пущин. – Не было почти явления в природе, события в обыденной общественной жизни, которые бы прошли мимо него, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями».

Ощущением простора и свободы неизменно одаряла его дорога. Она же давала ему подлинное знание своей страны, ее преданий, обычаев, чаяний. Подсчитано, что только по почтовым трактам Пушкин проехал свыше 30 тысяч верст. Это немало и по нашим меркам. Для начала же XIX века это необычайно много. Дорожное, тех лет, «Постановление до всеобщего сведения касающееся» гласило: «Никто не имеет права принуждать ямщика проезжать станцию без перемены лошадей, также и к быстрой езде; ибо ямщики должны везти в час неотменно: обыкновенных проезжающих в летнее время 10, в зимнее 12, в осеннее 8 верст». В то время дорога, скажем, от столицы до Луги длилась не менее суток.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Но скучная и томительная подчас дорога приводила к людям. На святогорской ярмарке поэт слушал предания о Стеньке Разине, в

цыганском таборе – песни Мариулы, в уральской слободе – рассказы о Пугачеве, в казахской юрте – сказание о Козы-карпеше и Баян-Слу. Поэтическое воображение открывало ему и те места, куда не доходила его дорога. Он никогда не был в Латвии, но в послании к Дельвигу воскресил старую Ригу и тем особо стал дорог латышам. В 1828 году ему не было дозволено отправиться к восточным рубежам страны, но одним из последних его замыслов стали заметки о Камчатке. А сколько на карте нашей Родины уголков, которые мы воспринимаем как столицы его поэзии: подмосковное Захарово, Царское Село (г.Пушкин), Гурзуф, украинская Каменка, молдавская Долна (Пушкино), тверские Малинники и Павловское, Михайловское, Болдино...

Не будь этих мест – пушкинская муза была бы иной. Мы помним, что именно в болдинских просторах легли на бумагу октавы «Осени»:

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Тренещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем –
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?.....

Стремительный бег коня – минута покоя – могучее поэтическое стремление сквозь пространство и время.

Среди прижизненных пушкинских портретов особенно интересен рисунок П.И. Челищева. Челищев не был ни художником-профессионалом, ни близким знакомым Пушкина. Но только ему удалось схватить поэта в движении. Поэт на рисунке невысок ростом и, пожалуй, неказист. Но как размашист его шаг, как легка походка, как крепка рука, сжимающая трость!

Первый биограф поэта, П.В. Анненков, писал: «Пушкин иногда делал прогулки пешком из Петербурга в Царское Село. Он выходил из города поутру... а к обеду являлся в Царское Село. После прогулки в его садах он тем же путем возвращался назад». Верст пятьдесят дневного пути, который, казалось бы, не сулил поэту ничего нового. Но вот что напишет поэт после одной из таких прогулок в 1829 году:

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

.....

Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Память, поэт, муза... Сколько близких понятий и слов связано с этими словами, и в какие знакомые словосочетания они входят.

Память – памятник. Поэт – поэзия. Муза – музей. А далее: памятные места, поэтические памятники и просто – поэзия прошлого, поэзия местности.

Поэт населяет мир музами. Не случайно город Пушкин называют городом муз. Это город удивительной поэтической силы, город, рождающий поэтов, притягивающий их к себе...

Когда едешь из Пскова в Пушкинские Горы по ровной и унылой местности, никак не ожидаешь, что попадешь в край необычайной красоты. Красота как бы вздымает местность отлогими холмами, разливается озерами – Маленец, Кучане, течет Соротью, окружает их вековыми рощами, и не быть здесь Михайловскому, Тригорскому, Петровскому просто невозможно. Поэзия как гигантская подземная сила, сила добрая и человечная, возвеличивает эти пушкинские места, омывает их и освещает.

И это не субъективное ощущение. Поэзия – реальность, ничуть не меньшая, чем все памятники, которые мы видим в любом из пушкинских мест – в Москве, в Петербурге (Ленинграде), Болдине или бывшей Тверской губернии.

Поэтические памятники той или иной местности позволяют лучше понять поэзию, а поэзия, в свою очередь, умножает, учетверяет красоту родных нам мест. Именно учетверяет, ибо прошлое, особенно поэтическое прошлое, – это четвертое измерение видимого нами мира.

Минувшее объемлет нас в пушкинских местах, и кажется, что только вчера бродил здесь Пушкин.

И мы откликаемся на призыв поэта:

...Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я...

В самом деле. Города, села, сады и парки, реки и озера, рощи и луга имеют четвертое измерение – измерение во времени, открывающееся нам памятью культуры, памятью о прошлом, особенно интенсивно – памятью о поэтическом прошлом.

Дом в трех измерениях, воспринятый в его настоящем, может быть красив или некрасив, весел или мрачен, удобен или неудобен. Все это определяется без особых знаний его истории: посмотрели,

зашли и определили. Если зашедший к тому же и архитектор, он сделает то же самое, но точнее, обстоятельнее. Однако целый мир предстанет перед нами, когда мы откроем для себя историю дома, историю местности, историю обитателей, историю произведений, здесь написанных. Зная историю всесторонне, мы воспринимаем окружающее не как застывшее, одномоментно возникшее перед нами, а в его движении к нам. Наша современность предстает перед нами как динамический мир, движущийся к нам из прошлого, обнимающий нас, пробуждающий в нас разнообразные чувства, мысли, умудряющий нас опытом человеческой культуры, возвышающий нас. И чем больше мы будем знать о прошлом, среди которого мы живем (ибо прошлое среди нас), тем значительнее, богаче, многоцветнее предстанет перед нашим мысленным взором окружающее.

Этот путеводитель предназначен для туристов и любителей путешествий, для всех, кто интересуется творчеством Пушкина. Как верный и надежный проводник, он познакомит вас с теми местами, где жил, творил или бывал великий поэт, всегда удивительно остро чувствовавший дух местности, о которой он писал, и очень тонко передававший ее в своих произведениях. В этом вы убедитесь, если отправитесь в путешествие по пушкинским маршрутам.

Сохранилось лицейское предание, что лицеисты воздвигли в своем саду дерновый памятник, укрепив на нем мраморную доску с надписью: «Geniōloci» («гению этого места»). Такие памятники Пушкин в своей поэзии создал повсеместно.

В первые июньские дни по всей стране проходит традиционный Пушкинский Праздник поэзии – в Москве и в Подмосковье, в Ленинграде и в г. Пушкине, в Пскове и в Михайловском, в Калинин и Бернове, в Горьком и в Болдине, в Полотняном Заводе Калужской области и в Языкове Ульяновской области, в Крыму и на Кавказе, на Украине и в Молдавии, в Казахстане и на трассе БАМа.

Музы не умирают, они бессмертны.

Д.С.Лихачев, академик